

ТРАНСФОРМАЦИИ БЫЛИННОГО ТИПИЧЕСКОГО МЕСТА «РАССПРОСЫ О РОДЕ-ПЛЕМЕНИ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Наследие былинной поэтики в исторических песнях XVI–XVII веков представлено на разных уровнях. Так, в «Кострюке» прочитывается эпический закон «предварительной недооценки богатыря»: Потанюшка Хроменький (хромота и есть его недооценка) побеждает чужеземного нахвальщика Кострюка (ср. былинный сюжет «Илья Муромец и Идолище»: русский богатырь, съедающий за один раз лишь корочку хлеба и выпивающий чарочку пива, побивает обжору-богатыря Идолище).¹ «Старшие» исторические песни наследуют от былин и типические места (*loci communes*). Например, типические места «пир у князя Владимира» и «хвастовство на пиру» сложились в эпической традиции: чуть ли не половина былинных текстов начинаются с пира. Пир является зачином и популярнейшей песни XVI века «Гнев Ивана Грозного на сына». Равным образом «старшие» исторические песни заимствуют от былин и такое типическое место, как «седлание коня» (см., к примеру, это *locus communis* в некоторых вариантах исторической песни начала XVII века о Михаиле Скопине-Шуйском).

Однако подчеркнем, былинные типические места «пир» и «седлание коня» в исторических песнях не претерпевают по сравнению с былинами практические никакие изменений. Типическое же место «расспросы о роде-племени» в песне разинского цикла «Сынок» (Крестьянская война под руководством Степана Разина разворачивалась в Поволжье в 1670–1671 годах), которое является предметом нашего исследования, напротив, демонстрирует множество вариаций. Названное былинное *locus communis* в исторической песне трансформируется, расширяется, изменяется, наполняется другим, относительно былины, содержанием, что мы и постараемся показать.

Классическая ситуация реализации темы «расспросы о роде-племени» в былинах связана со столкновением богатырей в чистом поле: бой Ильи Муромца и Сокольника; поединок Добрыни и Дуная; битва Добрыни Никитича и Ильи Муромца; поединок Дуная с Настасьей-богатыршей (в составе былины «Дунай-сват») и подобный же бой Добрыни Никитича с Настасьей Никуличной (в составе былины «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»). В былинах, в эпизоде, когда победивший расспрашивает побежденного, формула предельно лаконична:

¹ О законе предварительной недооценки богатыря см.: Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994.

А ты какого роду-племени,
А ты какого отца-матери...²

(«Илья Муромец и Сокольник»)

Очевидно, что былины, созданные в X–XIII веках, на заре русской государственности, отражают ту эпоху, когда родо-племенные отношения еще не были изжиты до конца и в чем-то оставались актуальными. Именно поэтому былинная формула знакомства богатырей (часто в результате поединка) включает понятия о роде и племени. В то же время обратим внимание на то, что типическое место помимо формулы «род-племя» содержит формулу «какого отца-матери», что свидетельствует об определенном «сдвиге» (слово Б. Н. Путилова,³ давшего фундаментальное описание историко-типологического метода) в общественных отношениях: на первое место выдвигается уже не род, а семья и, следовательно, отец и мать, стоящие во главе семьи.

В былинах сложилась и другая версия рассказов героя при первой встрече с противником — с лексемами «земля», «страна», «орда». Так, киевский богатырь Чурила задает приезжему из Галича Дюку Степановичу такой вопрос:

Ты с какой-де страны, да ты какой земли,
Ты какой-де земли, ище какой Орды...⁴

(«Дюк Степанович и Чурила Пленкович»)

Подобного рода формула встречается в былинных сюжетах «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (вопрос князя Владимира к приехавшему в Киев Илье Муромцу), «Ставр Годинович» (обращение князя Владимира к жене Ставра, прибывшей в Киев в мужском образе) и т. д. Полагаем, что данная версия типического места сложилась много позднее по сравнению с формулой «род-племя». Формула отражает эпоху, когда для личности становится актуальна причастность к тому или иному государству. Более того, приведенная формула явно сложилась в XIII–XIV веках, — во времена монголо-татарского нашествия, когда в русский язык вошло слово «орда». Два государственных образования — Русь и Золотая Орда — в этот период притовстали друг другу. Предваряя ход дальнейшего исследования, подчеркнем, что былинное типическое место, даже в версии «какой страны, какой земли», никогда не строится вокруг какого-либо конкретного географического названия. В этой маленькой детали проявляются принципы обобщенного историзма, который характерен для былин.

В исторической песне разинского цикла «Сынок» (№ 163–294),⁵ отражающей совсем другое время (вторая половина XVII века), мы также встречаем тему рассказов: разудалый молодец гуляет по Астрахани, губернатор (воевода) требует его к себе на допрос, молодец отвечает, что он сын Разина, губернатор велит посадить его в тюрьму; Разин, плывущий на судне, призывает своих товарищей разобрать по камешкам тюрьму. Традиционно в фольклористике

² Былины Мезени / Корпус текстов и комм. подг. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.; М., 2003. № 89, ст. 178–179 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 3).

³ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

⁴ Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001. № 150, ст. 80–81 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1).

⁵ Исторические песни XVII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966. Далее ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием номера текста и стиха.

считается, что «сын» — это разинский разведчик. Подавляющее большинство текстов записаны в Поволжье (Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская губернии), но в целом география бытования этого сюжета очень обширна: центральные губернии (Орловская, Московская, Тульская, Тамбовская, Пензенская, Владимирская), южный Урал (Оренбургская, Уфимская губернии), юг России (Екатеринославская губерния и Северный Кавказ), Сибирь. Довольно большое количество вариантов зафиксировано в былинных губерниях — в Олонецкой и Архангельской, а также в соседних севернорусских регионах (Вологодская, Пермская, Вятская губернии) и на Северо-Западе (Новгородская и Псковская губернии).

Отметим разные ситуации расспросов в былинах и в разинской исторической песне. Если в былинах богатырь-победитель спрашивает победленного, к какому роду-племени (какой земле) тот принадлежит, или же местный (киевский) герой задает подобный вопрос приезжему, то в песне «Сынок» рисуется допрос. Однако несмотря на разницу ситуаций, историческая песня совершенно определенно следует за былиной. Многочисленные варианты песни позволяют выявить многообразие трансформаций типического места «расспросы о роде-племени» и одновременно проследить закономерности в развитии этого *locus communis*.

Формулы «род-племя» и «какой земли, какой орды». Прежде всего отметим, что в исторической песне о «сынке» Разина можно найти примеры былинной формулы «род-племя»: «Ты скажи-ка, чей детина, чьего *роду-племени*?»⁶ (№ 240, ст. 12); «Ой, да ты откуда, молодец, / *Роду-племени* ты чей?» (№ 241, ст. 55–56). Знает историческая песня и сопряженную былинную формулу «какого отца-матери»:

Уж и чей такой детина,
Чей удалый молодец?
Ты какого поведенья,
Чьего *матери-отца*?

(№ 175, ст. 33–36; см. также № 176)

В следующем варианте рассматриваемого типического места, как и в былинном тексте, слиты воедино формулы «чьего рода-племени» и «чьего отца-матери»:

Ты скажи, скажи, детина,
Чьего *роду*, чьего *племя*,
Чьего *роду*, чьего *племя*,
Чьего *матери-отца*,
Как по имени зовут?

(№ 257, ст. 32–36)

См. также: «Ты чьего *роду*, детинка, / Чьего *племя* молодец» (№ 190, ст. 33–34); «Ты какого *роду-племени*, кто родители твои?» (№ 196, ст. 17); «Ты скажи-ка, добрый молодец, чьего *роду-племени*. / И чьего *матери-отца*?» (№ 248, ст. 18–19); «Да ты скажи, скажи, молодчик, чьего *роду-племени*?» (№ 260, ст. 29).

Единично в разинской песне встретилось типическое место с формулой «какой земли, какой орды»: «Да ты какой *орды*, какой *земли*, / Да какого отца, да чьею матери?» (№ 192, ст. 25–26). Древнерусское «орда» («стан», «кочевье») восходит к монгольскому ‘*ordu*’, ‘*orda*’ («двор, лагерь, стоянка»)⁷.

⁶ Здесь и далее курсив в цитатах наш. — Т. И.

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 150.

В процессе бытования в русском языке слово стало синонимом к слову «земля», «страна», что сказало уже в былинах. В XVII веке эпоха завоевания Руси Золотой Ордой осталась далеко позади, и фольклорная традиция явно демонстрирует, что слово «орда» должно оставаться в былинном эпосе, но неуместно в цикле, посвященном Степану Разину. Именно поэтому, повторим еще раз, лишь в одном тексте мы отметили это слово.

Былинная формула «род-племя» в песне XVII века может трансформироваться: «Чьего *дому*, чьего *роду*» (№ 165, ст. 20), где «род» (кровное родство) в формуле сопрягается с «домом» — с локусом, который в сознании и в языке часто определяется формулой «родной дом». См. также: «Ты скажи-ка, молодец, чьего *роду*, чьего *дому*, чьего *матери-отца*?» (№ 170, ст. 12); «Чьего *роду*, чьего *дому*, чьего *матери-отца*» (№ 268, ст. 10); «Чьего *роду*, чьего *дому*, / Как по имени назвать?» (№ 173, ст. 30–31); «Чьего *дома*, чьего *рода*, как по имени назвать?» (№ 263, ст. 15).

В результате дальнейшей трансформации рассматриваемое *locus communis* включает, помимо формулы «род-племя», лексемы «село» и «город», т. е. типическое место все более отдаляется от родо-племенного сознания: «Ай, ты откуда, молодец, / *Роду-племени, села*?» (№ 289, ст. 83–84); «Чьего *городу-села*, чьего *матери-отца*?» (№ 203, ст. 15); «Чьего ты *городу и села*, / Чьего *рода ты отца*?» (№ 224, ст. 14–15).

Укажем на формулу «Уж каких ты *родов*, / Из каких *городов*?» (№ 186, ст. 23–24); «Да чьего *рода*, из которого *города*» (№ 197, ст. 52). Этот вид формулы оказывается общим для севернорусской былины и южнорусской исторической песни. См., например, в печорской былине: «Ты коих же ты родов, да коих городов? / А ты коёй ище земли, коёй Орды?»⁸

Имеются и версии, в которых исчезают слова «род» и «племя», но суть формулы сохраняется; она латентно скрывается в единственном слове «чей»: «Чей же ты, вор-дегинушка, / Чей ты, незнамый человек?» (№ 216, ст. 26–27; см. также: № 217, ст. 43–44; № 237, ст. 11–12; № 238, ст. 12; № 243, ст. 42–43; № 247, ст. 28–29; № 249, ст. 12; № 251, ст. 41–42; № 252, ст. 23; № 253, ст. 12).

Таким образом, первые шаги в исследовании типического места «род-племя» обнаруживают, что это *locus communis*, как и другие, является общим для русского эпоса и историко-песенного фольклора. Однако гораздо более интересны примеры, где наличествует «сдвиг», т. е. типическое место подвергается существенным и сущностным трансформациям.

Расширение типического места. Социальный аспект. Дальнейшая принципиальная трансформация былинного типического места «род-племя» в песне о «сынке» Разина имеет два направления: социальное и географическое. *Locus communis* нередко сохраняет формулу «род-племя», при этом губернатор задается вопросом или о социальном статусе «сынка», или о локусе, откуда тот родом. Специально подчеркнем, что в былинах богатыри никогда не спрашивают, к какому социальному слою принадлежит их противник или из какого города он родом.

В разинской песне о «сынке» социальное и географическое начала чаще всего сплетаются воедино:

Ты скажи, скажи, молодчик, чье... чьего *роду ты племя* <...>, /
Иль ты *царской*, или *барской*, или га... *гастрыханской* <...>, /
Или с *Дону казачок*, да иль казачий ты сынок...

(№ 167, ст. 16–20)

⁸ Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001. № 176, ст. 194–195 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 2).

Чьего рода, чьего племени, чей отеческой сын?
Иль из нашего городу, из Астр<ахани>?

(№ 183, ст. 17–18)

В предполагаемом социальном статусе героя чаще всего называют «казак» («казацкий сын»): «Не казак ли ты, добрый молодец, и не казачий ли ты сын?» (№ 245, ст. 23); «Чьего дому, чьего роду, как по имени зовут: / Или с Дону казак, или казачий сын?» (№ 246, ст. 16–17).

Социальный статус в вопросе астраханского губернатора расширяется за счет двух социальных групп — «купец» и «бурлак», причем, как правило, с обязательным локальным приурочением:

Или с Дону ты казак, иль казацкий ты сын,
Иль казацкий ты сын, или низовский купец?

(№ 163, ст. 21–22)

Или с Дону ты казак, или с низу бурлак,
Или с матушки Москвы ты купеческий сын?

(№ 223, ст. 10–11)

Появление названных социальных статусов в песне разинского цикла вполне логично. Вся деятельность Степана Разина так или иначе происходила на воде — на реке и на море, а «профессии» купца, перевозившего товары по рекам (караваны торговых судов на Волге грабил Разин), и бурлака тесно связаны и с Волгой, и с Доном, бывшими торговыми артериями России XVII века. Следует заметить, что бурлаки появились в России уже в XVI веке. Ко второй половине XVII века фигура бурлака стала привычной для Поволжья.

Весьма интересны редкие формулы, где «сынок» наделяется принципиально низким социальным статусом — «беглый человек»: «Не беглец ли ты, не беглый ли прохожий человек?» (№ 171, ст. 11). Напомним, что одной из причин, почему Крестьянская война под руководством Степана Разина получила такой размах, стало регулярное исполнение царского указа о бессрочном сыске беглых (1649 год). До 1649 года существовало правило «урочных лет», в течение которых Сыскные приказы искали того или иного беглого крестьянина, а затем поиск прекращали. Тогда же, после 1649 года, начало разрушаться и казачье кредо «С Дона выдачи нет». Приведем еще один пример типического места с предполагаемым низким статусом «сынка»:

Ты скажи, скажи, бродяга, ты откыда, чей такой?
Или с Дону ты казак, иль казацкий ты сын,
Иль казацкий ты сын, или низовский купец?

(№ 163, ст. 20–22)

Сюда же примыкает формула со словом «мужичок»: «Ты отколь, отколь будешь, мужичок?» (№ 254, ст. 23).

В ряду формул, конструируемых рассматриваемое типическое место, появляются лексемы «вор», «вор-разбойник», «плут», «каторжный», явственно отражающие позицию власти по отношению к разинцам:

Ты откудова, детина,
Из какову городу?

Али *плут* ты,
Али *вор*,
Али *каторжной*?

(№ 221, ст. 32–36)

Ты скажи-ка, *вор-разбойник*,
Чей ты будешь-ка сынок?

(№ 234, ст. 28–29)

Напомним, что слово «вор» в языке позднего Средневековья и XVIII века означало «смутьян, бунтовщик, нарушитель закона, преступник». ⁹ В документах начала XVIII века «ворами» называются Кондратий Булавин и Мазепа. В. И. Даль фиксирует еще одно значение слова «вор» — «изменник». ¹⁰ Если слова «вор» и «вор-разбойник» полностью соответствуют эпохе Степана Разина, то лексема «каторжный» явно отражает более позднее время. Каторга, бессрочная и урочная, как вид наказания, — обязательный подневольный труд на пользу государства — в России появилась в самом конце XVII века, в эпоху молодого Петра I, а окончательно сформировалась в XVIII веке. Включение в рассматриваемое типическое место лексем позднейшего времени (каторжный и губернатор) свидетельствует о развитии данного *locus communis* и за пределами эпохи Степана Разина.

Интересны версии анализируемого типического места, где обозначено повышение социального статуса героя. Поведение «сынка» (пьет, гуляет — расчет деньгам не дает) заставляет губернатора задать ему вопрос, в формуле которого имеются указания на высокий статус героя (князь, боярин, посол): «...из каких ты из земель, / Иль ты *князь* какой, иль *боярин*, иль купеческий *сын*, / Иль из иных городочков не скорой ли ты посол?» (№ 179, ст. 28–30); «Ты ли *княжеский*, иль *барский*, иль купеческий *сынок*» (№ 187, ст. 20).

Имеются примеры, когда губернатор даже предполагает, не царским ли сыном является «сынок»:

Ты чьего роду, детинка,
Чьего племя молодец:
Может *царский сын*,
Аль *барский*,
Али со Дону казак,
Али со Дону казак,
Али низовый бурлак,
Али с матушки Москвы
Торговый человек?

(№ 190, ст. 33–41)

Ты чьего городу-села, чьего матери-отца,
Иль ты *царский*, иль боярский, иль купеческий *сынок*?

(№ 250, ст. 15–16)

См. также: «Или *царский*, иль боярский, иль купеческий *сынок*?» (№ 195, ст. 15); «Аль ты *царский*, / Аль боярский, / Иль купеческий *сынок*?» (№ 256, ст. 23–25); «Или *царский*, или *барский*, / Иль купеческий *сынок*?» (№ 267, ст. 12–13); «Чиего ты рода-племя: / Или *царского колена*, / Иль купеческой *сынок*» (№ 218, ст. 30–32).

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 28; Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4. С. 68.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 243.

Весьма выразителен вариант формулы из песни, записанной в г. Сызрани Симбирской губернии А. М. Языковым во второй четверти XIX века. Здесь в вопросе имеется предположение, не царь ли разинский «сынок»: «Ты не *царь* ли, не *царевич* ли, не *царской* ли *сынок*» (№ 258, ст. 20). Похожая формула зарегистрирована в Сибири на Колыме в самом конце XIX века В. Г. Богоразом:

Царь ли ты, *царевич*, или *царской* сын,
Король ли ты, *королевич*, *королевской* сын?
(№ 279, ст. 37–38)

Ср. в Пензенской губернии: «...или *царь* какой, / *Аль* *царевский* сын, *аль* из иной земли *король* какой» (№ 280, ст. 13–14).

Возможно, эта версия типического места родилась вследствие известного факта: Степан Разин объявил, что в его войске скрывается царевич Алексей Алексеевич (1654–1670). Напомним, что старший сын царя Алексея Михайловича (от Марии Милославской) скончался 17 января 1670 года, причем сразу же в народе поползли слухи, что царевич был убит злодеями боярами; очень быстро сформировалась и «легенда об избавителе»: царевич спасся, скоро явится и даст облегчение положению народа. Этой социально-утопической легендой и воспользовался Степан Разин, объявив, что на одном из его стругов находится царевич Алексей Алексеевич, поддерживающий восставших.¹¹

Расширение типического места. Географический аспект. Как уже было сказано, второе направление трансформации формулы «род-племя» связано с вопросом о локусе, откуда «сынок» родом. Очевидно, что это направление в расширении рассматриваемого *locus communis* развивается не из начальной былинной версии «род-племя», а из формулы «какой земли, какой орды». Однако, повторим еще раз, если в былинах географическая конкретика не получает развития, то в разинской исторической песне в задаваемом вопросе пространство расцвечено большим кругом легко узнаваемых топонимов.

На первом месте, естественно, находится Дон: «Ты не с *Дона* ли казак, / Не казачий ли *сынок*?» (№ 198, ст. 27–28); «Али ты с *Дону* казак, али казачей сын?» (№ 244, ст. 20); «Чи ти з *Дону* козак, чи ти козацкий син?» (№ 293, полупрозаический текст). Этот гидроним в исследуемом типическом месте встречается почти в каждом тексте. Как правило, Дон в формуле сочетается с другими топонимами. В формуле может наличествовать Волга, что вполне логично для построения пространства песни о Разине: «Ты не с *Дону* ли козак, / Или с *Волги* бурлак?» (№ 165, ст. 22–23); «Али с *Волги* ты бурлак, али из *Дону* ты казак, али купецкий *сынок*?» (№ 231, ст. 17); «Или с *Дону* казачок, / Или с *Волги* бурлачок?» (№ 236, ст. 21–22).

Обратим внимание на то, что в вопросе может быть заключено и название самой Астрахани, где происходит допрос «сынка» (Астрахань была взята разинцами в 1670 году): «Из тиху ли ты *Дону* казак, аль казачей сын, / *Аль* ты с нашего крепкого города из *Вастракани*» (№ 166, ст. 15–16); «Незнам чело-век, / *Астраханский* ли, или с *Дону* ты казак разудаленький?» (№ 230, ст. 25–26).

Песня свободно оперирует названиями как волжских (Казань, Астрахань), так и городов, отстоящих далеко от Волги (Рязань): «Которого ты города урожденье: / *Казанского*, или *Рязанского*, или *Астраханского*?» (№ 261, ст. 15–16); «Ты которых родов, которых городов: / с *Казани* ль ты,

¹¹ Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 108–120.

с *Рязани* ль, али с *Астрахани*?» (№ 262, ст. 13–14); «Ты *казанец*, аль *рязанец*, или *астраханец*, / Ты из-за моря купец иль купеческий сынок?» (№ 168, ст. 20–21). См. также: № 184, ст. 29–30; № 185, ст. 35–36; № 188, ст. 47–48; № 189, ст. 48–49; № 193, ст. 16; № 194, ст. 12; № 200, ст. 21; № 201, ст. 77–78; № 202, ст. 36; № 204, ст. 15; № 205, ст. 21; № 229, ст. 16.

Рязань и рязанец, без сомнения, в этом поволжском ряду появились в результате стремления поэтического текста к рифме. Как известно, и в былинах, и в исторических песнях XIII века («Авдотья Рязаночка») Казань заменила собой исконную Рязань именно в силу заложенной в этих географических названиях рифмы.¹²

В вопросе, уходящем корнями в формулу о роде-племени, возникает и Москва:

Аль со здешней стороны,
Аль со *матушки Москвы*?
(№ 191, ст. 31–32)

Ты не с Дону ли казак, казачий сын,
Али ты из *матушки каменной Москвы*!
(№ 290, ст. 16–17)

Или с низу ты бурлак, или с тиха Дона казак,
Или с тиха Дону казак, иль казачей сын,
Или *славной ты Москвы* удалой молодец,
Или нашего городу Астрахани?
(№ 174, ст. 18–21)

Али со Дону казак,
Али низовьской бурлак,
Али *матушки Москвы*
Ты купеческой сынок,
Али нашего ты городу
Из Астракани?
(№ 178, ст. 37–42)

Другие примеры: «Аль *московский*, аль казанский, али наш ты астраханский, / Аль ты с Дону казак, аль казачий ты сын?» (№ 169, ст. 20–21); «Ты казанский, иль *московский*, или астраханский?» (№ 264, ст. 11); «Со Дону ли ты казак, или казачий сын, / Или с *матушки Москвы* разудалый молодец?» (№ 181, ст. 14–15); «Иль со *матушки каменной Москвы*, / Ты ли со Дону казак» (№ 206, ст. 30–31). См. также: № 182, ст. 35; № 187, ст. 21; № 208, ст. 36; № 211, ст. 27; № 223, ст. 11; № 225, ст. 17; № 287, ст. 52.

Топоним Москва в разинских песнях, как следует из приведенных примеров, имеет давно сложившиеся в фольклорной традиции эпитеты «каменная» и «славная»; наделяется он и закрепившейся еще в XVI веке родительской семей «матушка». Обратим внимание на другой атрибутив: самый ценностный город русского мира в песенном языке может именоваться «городочек». Форма «городочек» с очевидностью не заключает в себе сему «маленький город». Напротив, в песне подчеркивается величина Москвы: «Из Казани ты молодчик или с Астрахани, / Иль *большого городочка* — каменнóй славной

¹² Иванова Т. Г. Топоним *Рязань* в севернорусских былинах // Народная культура в слове и тексте: Сб. исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013. С. 80–89.

Москвы?» (№ 219, ст. 15–16). Укажем, что форма «городочек» по отношению к поволжским городам наличествует в песнях о Ермаке.¹³ Преемственность ермаковского и разинского циклов бесспорна: один тип героя (человек из народа), одни и те же сюжеты («Ермак в казачьем кругу» → «Разин и казачий круг»). Естественно, что разинские песни наследуют и какие-то черты поэтической лексики песен ермакова цикла.

В целом ряде песен о «сынке» сопрягаются три топонима: Дон (родина Разина), Казань (поволжский город, занимавший со времени покорения Казанского ханства в 1552 году важное место в историко-песенном фольклоре) и Москва (географический и исторический центр страны). Песня, таким образом, являла представления народа в XVII веке о пространстве Московской Руси, включившей в предшествующее столетие земли Дикого поля (Дон) и Казанского ханства. Называя эти локусы, песня обозначала «свое», «освоенное» пространство:

Ты скажи, скажи, молодец, коего роду удалец:
С *Москвы* ли ты купец, или с *Казани* удалец,
С тиха ли *Дону* казак или казачий сынок?

(№ 172, ст.16–18)

Чьего матери-отца?
Не со города ль *Казани*,
С каменной *Москвы*,
Или со *Дона* казак,
Иль купецкий сын?

(№ 175, ст. 36–40)

См. также: № 176, ст. 38–40; № 287, ст. 51–53.

Отметим, что рассматриваемое типическое место в песнях о «сынке» активно развивалось, втягивая в себя различные географические названия, далекие от биографии Степана Разина. Так, в одном из текстов появляется Ока-река:

Чиего ты рода-племя:
Или царского колена,
Иль купеческой сынок,
Иль с *Оки-реки* молодчик,
Иль с тихого *Дона* казак?

(№ 218, ст. 30–34)

В другом тексте встречаем имя Петербурга — города, возникшего несколькими десятилетиями позднее казни Степана Разина:

Уж ты чей ты, чей такой,
Чей удалой молодец,
Ли из *Питера* купец,
Ли купеческой сын,
Из *Москвы* ли дворянин,
Ли дворянской сын,
Или с *Дону* ты казак,
Или с *Волги* бурлак?

(№ 242, ст. 29–36)

¹³ Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов, В. М. Добровольский. М.; Л., 1960. № 308–387.

Имеется даже вариант с топонимом Польша — явный отголосок Смутного времени:

Ты не с Дону ли козак, иль не с *Польши* ли поляк,
Или со матушки Москвы ты купеческий сынок?

(№ 220, ст. 15–16)

Заметим, что в целом трансформированные версии рассматриваемого типического места, исконной формулой которого мы считаем «род-племя», свидетельствуют о достаточно хорошем знании историко-песенной традицией географии России. Тем не менее укажем и на примеры, где память изменяет песне и в текстах возникают или очевидные искажения («Уж не *бранец* ли, *арханец*, ты купечкой ли сынок?» — № 214, ст. 33), или полное исчезновение реально-географических примет («Иль из-за моря купец, / Иль купеческий сынок?» — № 227, ст. 29–30; «Ты откуль, откуль, детина, / Откуль, добрый человек» — № 228, ст. 16–17; «Ты откуда, испрокуда, из которого села?» — № 232, ст. 19; «Ты откедова, детина, / Где-ка родина твоя?» — № 265, ст. 15–16; «И не знаю, чей откуль?» — № 285, ст. 21; «Ты откуль такой, детина, / Откуль родина твоя?» — № 286, ст. 17–18). Формула развивается после XVII века и втягивает в себя, что вполне ожидаемо, лексику петровского времени: «Уж ты чей, откуль, детина, чьих *губерень*, городов?» (№ 255, ст. 12).

Однако, повторим еще раз, включение топонимов в вопрос губернатора (воеводы) отмечено в большинстве полных текстов. Выдвинем важный для нас тезис: трансформации былинного типического места «род-племя» в фольклорной форме, принадлежащей иному (по сравнению с былинами) этапу развития историзма в песенном фольклоре (т. е. в исторической песне XVII века), полностью отвечают законам конкретного историзма. География (топонимы), включаясь в исторический фольклор, формирует новое понимание истории фольклорным сознанием.

Географические названия занимают значимое место и в ответе «сынка».

Ответ «сынка». Этот эпизод в песне, как правило, строится по модели: отрицание героем предполагаемых в вопросе социальных статусов и локусов — (выбор одного из локусов)¹⁴ — называние себя «сынком» Разина. Вполне ожидаем ответ, в котором в утвердительной фразе звучит река Дон:

Эх, не казанец я, парень, не рязанец,
Я да не астраханец,
Эх, я то ли с *Дону*, парень, казак,
Да Стеньки Разина сынок...

(№ 185, ст. 39–42)

См. также: «Я не с Волги бурлачок, / А с *Дону* казачок» (№ 254, ст. 24–25); «Я с *Дону* казачок, Стеньки Разина сынок» (№ 224, ст. 18); «Не здешний я, не московский я, / Я из *донских степей* казачок» (№ 216, ст. 28–29). Правда, следует сказать, что варианты с Доном весьма немногочисленны (мы привели все тексты). В большинстве записей причастность героя к Дону отрицается. См., например:

Я не с низу бурлак, не с *тиха Дона* казак,
Не с *тиха Дону* казак, и не казачей сын,

¹⁴ Это звено модели может отсутствовать.

Не из славной я Москвы удалой молодец,
И не вашего я городу астраханец,
Я со матушки со Камы Стеньки Разина сын.

(№ 174, ст. 23–27)

Скорее всего, первоначальный замысел песни предполагал, что «сын» дает губернатору ложный ответ (поэтому и отрицает свою причастность к Дону), и лишь со временем Дон был включен в контекст утвердительного ответа.

Укажем, что в разинском фольклоре сохранились рудименты противопоставления Дона и России. Напомним, что в позднее Средневековье на протяжении долгого времени Дон не был подчинен центральной власти в Москве. Ко времени Крестьянской войны Степана Разина Москва уже достаточно твердо закрепила на Дону (недаром донской атаман Корнила Яковлев оставался верен царю и в конце концов выдал Разина властям). В единичном же варианте песни Дон осмысливается как самостоятельное пространство, противопоставленное России: «Я не с Дону казак и не казачей сын, / Я со матушки с Рассеи, Стеньки Разина сын» (№ 244, ст. 21–22).

Второй (после Дона) ожидаемый гидроним в ответе «сын» — Волга, где разворачивались главные события Крестьянской войны под руководством Степана Разина. Волга в песне устойчиво имеет родительскую сему «матушка»:

Я со матушки со Волги,
Стеньки Разина сынок.

(№ 180, ст. 17–18)

Я не с городу Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не со Дона казак,
Не купецкий сын,
Я со матушки со Волги
Стеньки Разина сынок.

(№ 175, ст. 41–46)

Я не с города Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не со Дону казак,
Не купецкий сын,
Я со матушки со Волги,
Стеньки Разина сынок.

(№ 176, ст. 42–47)

См. также: № 187, ст. 24; № 199, ст. 12; № 213, ст. 18; № 227, ст. 33; № 241, ст. 59; № 258, ст. 22; № 285, ст. 24; № 286, ст. 19; № 287, ст. 58; № 290, ст. 20.

Однако, как и в случае с Доном, песня может и отрицать связь героя с Волгой:

Я не с барки, не с бударки,
Я не с Волги бурлачок,
Я не с Волги бурлачище —
Стеньки Разина сынок.

(№ 237, ст. 13–16; см. также № 238, ст. 13)

Неожиданно частотным в ответе «сынка» оказался гидроним Кама:

Да я ни царский, ни боярский, ни купеческий сынок,
Да я со Камы, с Камы-матушки со реченьки молоденький казачок...

(№ 195, ст. 16–17)

В ответе последовательно отрицаются Дон, Астрахань, Казань, Москва и даже Петербург и настойчиво говорится, что герой родом с Камы:

Из тиху-то я Дону не казак, не казачей сын,
Я не с вашего крепкого города а из Вастракани, —
Я со Камы-то со реки, Сеньки Разина сын.

(№ 166, ст. 18–20)

Я не с низу бурлак, не с тиха Дона казак,
Не с тиха Дону казак, и не казачей сын,
Не из славной я Москвы удалой молодец,
И не вашего я городу астраханец,
Я со матушки со Камы Стенки Разина сын.

(№ 174, ст. 23–27)

Я не питерский, не казанский и не астраханский,
Я со матушки реки Камы Сеньки Разина сынок.

(№ 164, ст. 22–23)

См. также: № 167, ст. 25–26; № 169, ст. 23–26; № 172, ст. 20–22; № 173, ст. 33–36; № 178, ст. 45–49; № 179, ст. 34–35; № 183, ст. 20–22; № 186, ст. 25–28; № 188, ст. 51–55; № 190, ст. 46–53; № 191, ст. 33–35; № 192, ст. 29–31; № 193, ст. 18–20; № 194, ст. 14–15; № 201, ст. 79–83; № 203, ст. 16–17; № 214, ст. 34–35; № 219, ст. 17–19; № 242, ст. 37–43; № 250, ст. 17; № 251, ст. 43–45; № 259, ст. 32–33; № 260, ст. 30; № 292, ст. 19. Не абсолютно устойчиво, но достаточно частотно Кама в песне получает ценностную родительскую сему «матушка» (№ 198, ст. 31; № 204, ст. 18; № 206, ст. 36; № 264, ст. 12).

Популярность Камы в разинском цикле песен явно вступает в противоречие с реальной биографией Разина и с географией Крестьянского восстания. События, напомним, разворачивались на правом берегу Волги, а на левом притоке реки, на Каме, Разин, кажется, никогда не бывал. За частотностью Камы, по нашему мнению, лежит трансформация имени речки Камышинки в Каму. Камышинка, длина которой всего 10 км, в XVI–XVII веках занимала принципиальное место в реальной географии Волги. Дело в том, что Камышинка (правый приток Волги) находится в районе сближения бассейнов Волги и Дона, в связи с чем вместе с речкой Иловля (левый приток Дона) она служила в XVI веке местом перехода с одной реки, воплощавшей собой вольность (Волга), в другую реку, имевшую то же значение (Дон).

В некоторых вариантах ответа «сынка» мы находим Камышинку:

Я не с Дону козак
И не с Волги бурлак.
Я уж с матушки Оки,
Со Камышенки реки,
Стеньки Разина сын!

(№ 165, ст. 24–28; см. также: № 230, ст. 29)

В одном из вариантов Камышинка как родина «сынка» явлена в скрытом виде:

Я не с Дону казак и не казачий сын,
И не из матушки вашей каменной Москвы разудалый молодец.
По Камышинке-реке красна лодочка плывет,
На этой на лодочке пятьсот гребцов,
Пятьсот гребцов, все удалых молодцов —
Надо всеми-то я атаманщик был.

(№ 246, ст. 19–24)

Географическое имя Камышинка может в песне, как это нередко бывает, искажаться: Камышевка-река (№ 231, ст. 19); река Камышка (№ 163, ст. 25). Гидроним Камышинка может превращаться в название города: «Уж я *города Камышенки*, Степана Разина сынок» (№ 263, ст. 16).

В соответствии с поэтикой фольклора, в языке которого парное употребление видовых именовании переводит семантическое значение в таксон рода (гуси-лебеди = птицы), в песне ответ «сынка» в утвердительном смысле может одновременно включать и Каму, и Волгу:

Ох, не с Москвы ли я купец,
Не купеческой я сын,
А я с Дону не казак,
Не казаческой я сын,
Я со матушки со Волги,
Я со Камы со реки,
Стеньки Разина сынок.

(№ 182, ст. 39–45)

См. также: № 168, ст. 24; № 200, ст. 25; № 215, ст. 29; № 221, ст. 40–42.

Обратим внимание, что родиной «сынка» в большинстве вариантов называются водные объекты: Дон, Волга, Камышинка, Кама. Единично встрети-лась Ока — правый приток Волги: «Я не царской и не барской, / Я со той *Оки-реки*, Стеньки Разина сынок» (№ 248, ст. 20–21). Не исключаем, что появление Оки стало инициативой кого-то из певцов, решивших найти некую альтернативу популярной Каме.

В одном из вариантов упоминается Алканка-река:

И не с Дону я козак, и не с Польши я поляк,
И не с матушки Москвы не купеческий сынок,
А я с *матушки с Алканки* Стеньки Разина сынок.

(№ 220, ст. 17–19)

Алканка — это реальная маленькая речка, протекающая в Кикнурском районе Кировской области. Текст № 220 записан далеко от этого региона — в с. Коломенском Московской губернии. Объяснение, почему имя этой незначительной речки попало в разинский фольклор, найти невозможно.

Очевидное преобладание гидронимов (по сравнению с названиями городов) в утвердительной части ответа «сынка», без сомнения, отвечает историческому содержанию разинского цикла: передвижение участников Крестьянской войны происходило по воде на стругах. Тем не менее единично в песне о «сынке» называются города, что, вероятно, можно рассматривать как вторичные версии. Астрахань:

Я не со Дону казак, не казачий сын,
Я не с матушки Москвы не разудалый молодец,
Я из Астрахани Стеньки Разина сын.

(№ 181, ст. 16–18)

Москва и Нижний Новгород:

Уж я родиной москвич,
Жизнью — Нижний городок,
Оттого я не боюся,
Что я Стеньки Разина сынок.

(№ 228, ст. 20–23)

В некоторых текстах, явно конструируя насмешливый, вызывающий тон «сынка», песня в качестве утвердительного ответа дает целый ряд топонимов:

Из Казани я, ведь из Рязани,
Из самой Астрахани,
По прозванью, господин,
Да Стеньке Разину сын.

(№ 247, ст. 30–33; см. также: № 252, ст. 24–26)

Я из дому, я из Дону,
Я из матушки Москвы.

(№ 265, ст. 17–18)

Ай, я со матушки со Волги,
Я со каменной Москвы...

(№ 289, ст. 87–88)

Укажем также, что во многих вариантах песни о «сынке» исчезают какие-либо топонимы. В ответе героя астраханскому губернатору присутствует только признание того, что он является «сыном» Степана Разина:

Я не помню, я не знаю,
Чьего рода, племени,
Только знаю я фамилию —
Стеньки Разина сынок.

(№ 243, ст. 44–47)

См. также: № 170, 171, 177, 189, 196, 207, 218, 222, 223, 225, 226, 229, 232–234, 236, 237, 240, 243, 245, 249, 253, 255–257, 261, 266, 267, 288, 293.

Полагаем, что исчезновение топонимов из ответа «сынка» — это позднейшая версия, отражающая начавшееся выхолащивание историко-географического содержания из песни. Интересно, что в ходе этого процесса в песне актуализируются мифологические образы, в целом отсутствующие в песне XVII века. Так, вместо географически точного топонима в утвердительном ответе «сынка» появляется «огненная река»:

Ни питерский, ни московский,
Ни асрыханский я купец,
Не тебе, губернатор,
Меня спрашивать, молодца.

Я купец, только из огненной я реки,
Стеньки Разина я сынок.

(№ 197, ст. 56–61)

Попадает в песню XVII века и мифологический «остров Буян»:

Не московский я купец, (2)
Эх да, со Буянского ли я со острова, Стеньки Ра...
Стеньки Разина сынок...

(№ 217, ст. 46–48)

В некоторых вариантах сочетаются в одном тексте реально географические топонимы и мифологический локус («серый камешек»):

Я со ма... я со матушки Волги-реки,
Со сера́, со сера́ камешка́.

(№ 202, ст. 46–47)

Кроме того, вместо географически точного топонима может фигурировать общефольклорное «синее море»:

Я не со́ Дону-Дону́ каза́чек,
Не купеческой сынок,
Я со синего того моря,
С легкой лодочки косной, (2)
Я того-то, того удалого
Стеньки Разина сынок.

(№ 211, ст. 29–34)

Исчезновение топонима из ответа «сынка», как мы уже сказали, — это одно из проявлений выхолащивания исторического содержания из песни. Помимо этого процесса в связи с рассматриваемым типическим местом прочитывается и перекодировка исторического содержания: в некоторые варианты разинской песни включаются персонажи, не соответствующие XVII веку. В одном из текстов «сынко» называет себя Емельяном Пугачевым: «Я не царь, не царевский сын и не король, / Уж я добрый молодец Емельян Пугач» (№ 280, ст. 17–18).

Любопытен вариант песни о «сынке», записанный на Колыме В. Г. Богоразом от казака Ф. Даурова. Исполнитель называет имя «родового казака» Петра Алексеича, а его товарищ Кулдарь Петра Алексеича определяет как «православный царь»:

Пришел к тебе не царь, не царевич и не царской сын,
Не король, не королевич, королевской сын,
По всей нашей Руси родовой казак [*православной царь*]
Под названием Петр Алексеич!

(№ 279, ст. 41–44)

Не исключено, что первоначально в сибирском варианте исконным было не имя Петра Алексеича (Петра I), а имя Петра Федоровича, т. е. имя императора Петра III. В таком случае версию с Петром Алексеичем можно рассматривать в прямой связи с Емельяном Пугачевым, который, как известно, объявил себя спасшимся от покушения мужем Екатерины II.

Приспосабливание песни о «сынке» Разина к эпохе второй Крестьянской войны (1773–1775) под руководством Емельяна Пугачева вполне логично и оправданно. Историко-песенный фольклор, как известно, демонстрирует нам примеры того, как сюжет, созданный в один период, затем прикрепляется к историческим лицам, жившим совсем в другое время. Например, сюжет «Часовой плачет у гроба правителя» формируется в связи с именем Ивана Грозного,¹⁵ а затем складывается по поводу смерти и Петра I,¹⁶ и Александра I,¹⁷ и даже императрицы Елизаветы Алексеевны (жены Александра I).¹⁸ Схожим путем тема «неузнанный герой в гостях у неприятеля» разворачивается в песнях о Петре I в шведском городе,¹⁹ о Краснощекове в гостях у прусского короля,²⁰ о казацком атамане Платове в гостях у Наполеона.²¹ Песня о «сынке», созданная во времена Степана Разина, таким образом, через век перекодируется в песню о Емельяне Пугачеве.

Исследование трансформаций в эпоху XVII века типического места «род-племя», сформированного внутри былинного эпоса, в очередной раз позволяет осмыслить механизмы преемственности внутри фольклорной традиции. Данный материал, очень ограниченный по своему объему, наглядно являет «сдвиги», которые происходят в песенно-эпических формах: обобщенный историзм былин сменяется конкретным историзмом исторических песен.

В былинах главный герой может иметь только один социальный статус: он — богатырь. Былина не рисует нам многообразия социальных слоев древнерусского общества. Историческая песня предлагает статусы казака, бурлака, купца, беглого, мужика и даже князя, боярина, царя и царского сына.

География былин в рассмотренном типическом месте обобщенно определяется «какой земли, какой орды». Топонимы в исторической песне обозначают освоенное пространство, знакомое исполнителям: Дон, Волга, Камышинка, Кама, Ока, Астрахань, Нижний Новгород, Москва. Географические названия, которые играют столь большую роль в данном *locus communis*, подчеркнем, являясь не только пространственными приметами, но и историческими. (Здесь мы хотим напомнить известное высказывание французского географа Жана-Жака Реклю: «История есть география во времени, а география — история в пространстве».) География песен о «сынке» Разина свидетельствует о формировании исторического сознания русского народа, в котором в XVI–XVII веках складывается качественно новое представление о России, о ее столичном городе Москве, о могучих реках Волге, Доне и Каме, связывающих огромную территорию в единое государственное пространство.

¹⁵ Исторические песни XIII–XVI веков. № 278–285.

¹⁶ Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л., 1971. № 240–262.

¹⁷ Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973. № 202–207.

¹⁸ Там же. № 234.

¹⁹ Исторические песни XVIII века. № 207.

²⁰ Там же. № 396–402.

²¹ Исторические песни XIX века. № 131–170.